

Любимова Г.В. Обряд «похороны кукушки» в культуре сибирских переселенцев // Народная культура Сибири. Материалы XII научно-практического семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск: ОмГПУ, 2003. С.133-137.

По селькупским поверьям, услышав кукушку, женщина берет из своей швейной сумки семь иголок и идет к тому дереву, где слышится кукование. Она обходит дерево по солнцу семь раз, на каждом кругу втыкая по одной иголке в ствол. Если кукушка не улетит – к счастью, улетит – к несчастью... (Головнев, 1995, С.518)

В литературе неоднократно отмечалось, что многие славянские обряды весенне-летнего цикла в силу своего структурно-семантического и функционального единства являлись идентичными или взаимозаменяемыми. В своем классическом варианте все эти обряды имели трехчастную структуру, включавшую в себя изготовление ритуального символа, торжественный вынос его за пределы селения и уничтожение его путем предания земле, огню или воде.

В последнее время, обрядовые действия, ориентированные на воспроизведение структуры и семантики погребального обряда, получили в литературе название “вторичных похорон” [см.: Толстой, 1995, С.180]. Несколько ранее было предложено рассматривать календарные “проводы” как *rites de passage*: сожжение ритуального символа, его пускание по воде или растерзание в поле представляли собой, как пишет Л.Н.Виноградова, “равнозначные действия в рамках разных локальных вариантов одного и того же обряда”. Семантика указанных действий связана, по мысли автора, с представлениями о “Пути перехода в загробный мир” и о “необходимости изгнания (выпрощивания в страну смерти) душ умерших, периодически посещавших своих родственников в определенные календарные периоды” [1985, С.23-26].

Разделяя приведенную точку зрения в целом, хотелось бы обратить внимание на иной аспект календарных проводов, также связанный с переходом, но уже не *мифологическим*, а *социальным*, то есть, с изменением социовозрастного статуса участников обряда. С этой точки зрения значительный интерес представляет редкий для Сибири обряд “похороны кукушки”, зафиксированный у группы курских переселенцев, проживающих на территории б. Мариинского уезда Томской губернии*.

Нами было записано два варианта обряда, связанные с разными способами изготовления ритуального символа – кукушки. В Чебулинском районе куклу-кукушку делали из отходов от переработки льна, в результате получалась антропоморфная фигурка с подчеркнuto женскими признаками: *“Скатаешь хлопья, обтянешь чем-нибудь, ниткой подвяжешь - это голова. Грудочки тоже из хлопьев скатаешь, ручки сделаешь, талию затянешь, рубашку с платьем наденешь, платочек повяжешь - чтоб все, как у девки было”* (записано от О.Д.Дюкаревой, 1933 г.р., с.Курск-Смоленка). В Тяжинском районе птицу-кукушку делали из травы: *“птичку эту, кукушку, цветами украшали, хвост из травы приделывали, крылышки вырезали, лапочки, как у курицы, клювок вставляли и глазки из конопляных семечек”* (записано от М.Н.Моргуновой, 1912 г.р., с.Новая Покровка).

В первом случае куклу-кукушку несли в лес, где и закапывали под березой: *“Ребятишки, ровесники наши, несут коробочку с куклой, а мы, девчонки, сзади идем и плачем: “Что же ты, моя дочечка, рано так ушла, на кого ж ты меня оставила?”. Выроем ямку, а коробочку эту закроем и закопаем”*. Во втором случае, напротив, птица-кукушка изготавливалась прямо в лесу, потом ее несли к одной из участниц в

---

*Материалы о похоронах кукушки в Мариинском, Чебулинском и Тяжинском районах Кемеровской области были собраны в экспедиционных поездках 2002 и 2003 гг. совместно с В.Ф.Похабовым.

дом, где она и стояла, *“пока не посохнет, не пожелтеет”*. Только тогда ее выбрасывали *“под крыльцо в ограду”*.

Нами было предпринято сравнение современных записей обряда с теми, которые были сделаны М.В.Красноженовой, работавшей в тех же краях почти 100 лет тому назад. В описанном исследовательницей обряде участие принимали молодые девушки, которые изготавливали ритуальный предмет в лесу из цветка *“кукушкины слезки”*, и в этом он дублирует наши записи из Тяжинского района. Однако последующие обрядовые действия, связанные с захоронением ритуального символа, сближают их с нашими записями из Чебулинского района. Кроме того, у М.В.Красноженовой подробно описана процедура кумления участниц обряда [1914, С.83]*, которая полностью отсутствовала в рассказах наших информаторов.

Рассмотрим вопрос об отношении **главного персонажа** этого и подобных ему обрядов к **ритуальному символу**, находившемуся в центре обрядовых действий. На территории исконного бытования обряда *“похороны кукушки”* были зафиксированы варианты, главная роль в которых отводилась изображавшей кукушку девушке. *“Особая разновидность кукушки, пишет Е.А.Журавлева, - девушка с поднятыми над головой руками”*, запястья ее касаются головы, а сложенные вместе кулаки повязаны белым платком. Очень часто такую девушку так и называют - *“кукушка”* [1998, С.195]. Обратим внимание на то, что уничтожение ритуального символа (кукушки) в ходе обряда

---

*Отметим плодотворную гипотезу И.М.Денисовой, согласно которой смысл кумления состоял в испрашивании еще не рожавшими женщинами потомства у дерева или божества в образе кукушки в обмен на ленты, цветы и прочие символы [1995, С.127-130]. Обратим также внимание на вынесенный в качестве эпиграфа к настоящей работе пример. В поисках ответа на вопрос, *“зачем убивать кукушку”*, восседающую на вершине семикорневого дерева, автор пришел к выводу, что, совершая подобные действия, женщина становилась сопричастной самому божеству [Головнев, 1995, С.527], получая при этом от него самый ценный дар – способность к продолжению жизни, к деторождению.

совершалось самым главным персонажем (девушкой-кукушкой), имя которого, как видим, совпадало с названием символа.

Прояснение семантики рассмотренных обрядовых действий представляется возможным лишь на фоне широкого сравнительно-исторического анализа весенне-летних обрядов в целом. Анализ половозрастной структуры подобных обрядов позволил прийти к выводу, что в своем традиционном варианте они отличались устойчивым составом исполнителей, исключавшим участие мужской части населения. Главная роль в них принадлежала девушкам и молодым женщинам - "девицам и молодницам", согласно многим источникам. Роль главного персонажа нередко исполняла девушка (девочка), являвшаяся олицетворением ритуального символа, фигурировавшего в названии обряда.

Наиболее характерным типом подобных обрядов для Сибири следует признать троицкий комплекс с березкой. В одном из вариантов обряда, записанном в начале XX в. в Тобольской губернии, главную роль исполняла девочка 10-12 лет, которая принимала участие в плясках и хороводах, держась за ствол наряженного в девичью одежду дерева. Вечером, на берегу реки или озера деревце разряжали, а девочка, которую, как подчеркивается в описании, также называли березкой, бросала его в воду [Городцов, 1915, С.6-7]. Ритуальный символ (троицкая березка) выступал в данном случае как атрибут главного персонажа (девочки-березки), а его уничтожение, с нашей точки зрения, метафорически означало ритуальную смерть самой исполнительницы*.

В случае отсутствия ритуального символа той или иной форме ритуального умерщвления подвергался сам герой ритуала: участницы обряда "*вождение русалки*", к примеру, при подходе к ржаному полю

---

*Ср. важное методологическое суждение О.М.Фрейденаберг о том, что "в первоначальной жертве субъект и объект слиты, это единая нерасчлененная пассивно-активная форма... В родовую эпоху жертвоприношение есть обряд, в котором объект представляет собой то же самое, что и субъект" [1978, С.92].

срывали зелень и венок с ряженой русалкой девушки и толкали ее в жито [Виноградова, 1986, С.115].

Определение типологической принадлежности подобных обрядов связано с определенными трудностями. Обладая набором признаков, характерных для обрядов календарного цикла, рассмотренные ритуалы обнаруживают явную связь с обрядами жизненного цикла (пространственное перемещение героя ритуала, его временная ритуальная смерть и пр.), являясь, таким образом, переходными по своей сути обрядами совершеннолетия. “Девушки и девушки” в указанных обрядах выступали как представительницы особой социовозрастной группы, члены которой обладали общим, с точки зрения традиционной культуры, статусом, как лица, уже достигшие брачного возраста, но еще не ставшие родителями. Именно они являлись организаторами переходных обрядовых действий, главная роль в которых отводилась девушкам, достигшим совершеннолетия в истекшем году*. При этом сама приуроченность девичьих переходных обрядов ко времени весенне-летнего пограничья представляется далеко не случайной, поскольку представления о сопоставимости и взаимодействии человеческих жизненных циклов и циклических явлений природы являлись существенной чертой традиционного мировоззрения, ориентированного на осознание единства человека и мира во всех его проявлениях.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 02-01-00329а

Примечания

Бернштам Т.А. Обряд “крещение и похороны кукушки” // Материальная культура и мифология. Л., 1981.

---

*Как считает Т.А.Бернштам, генетически обряд “похорон кукушки” восходит к некоему переходно-возрастному обряду девушек невест и молодых, “вступавших в определенное время года в ритуальную связь между собой и в сакральную – с тайной высшей силой”, представленной образом кукушки [1981, С.197].

Виноградова Л.Н. Календарные проводы rites de passage // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности. Погребальный обряд. Тезисы докладов конференции. М., 1985.

Виноградова Л.Н. Мифологический аспект полесской “русальной” традиции // Славянский и балканский фольклор. М., 1986.

Головнев А.В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург. 1995.

Городцов П.А. Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1915, Вып. 26.

Денисова И.М. Вопросы изучения культа священного дерева у русских. М., 1995.

Журавлева Е.А. Структура русского обряда с “кукушкой” // Российский православный университет ап. Иоанна Богослова. Ученые записки. М., 1998. Вып. 4.

Красноженова М.В. Из народных обычаев крестьян деревни Покровки // Известия Красноярского подотдела ВСО ИРГО. Красноярск. 1914. Т. II, Вып. 6.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. Введение в теорию античного фольклора. М., 1978.